

привести к развязыванию информационных войн, использованию инструментов информационного терроризма и пр. События массового распространения слухов 2007–2010 гг. свидетельствуют о том, что в российском сегменте Интернета царит практически полная вседозволенность провокаторов, агрессивных коммуни-

каторов, экстремистов, единичные случаи уголовного преследования за информационные атаки в Интернете ситуацию не изменяют в лучшую сторону. Проблема требует немедленного решения с привлечением ученых и специалистов-практиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Силаева В.Л.* Интернет как социальный феномен // Социс. 2008. №11.
2. *Шевченко И.А.* Политические интернет-технологии в трансформирующемся обществе: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005.
3. *Новикова И.И.* Стратегия информационного развития и национальная безопасность России // Власть. 2009. №2.

RUMORS IN THE RUSSIAN SEGMENT OF THE INTERNET: SOCIAL AND SOCIAL-ENGINEERING ASPECTS

E.M. Kulikov, PhD in Sociology, Associate Professor of the State Commission for Academic Degrees and Titles, Associate Professor of the Department of Sociology of Kuban State University

In the beginning of XXI century the Internet develops very fast, the Internet audience increases, forms and ways of connection to the global network become simpler. At the same time rumours keep the importance and traditional forms of communications in our society. Rumours do not stop their existence with the development of informative and communicative technologies, and, on the contrary, they effectively adapt to conditions of an informative society and superfast mass media.

Key words: rumours, the Internet, informative and communicative technologies, an informative society, virtualization of communications.

УДК 316.4

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ РИСКОВЕННОСТИ

Л.В. Назарова, аспирантка кафедры социологии, политологии и права ИППК Южного федерального университета

Статья посвящена анализу карьерных стратегий российского студенчества. В качестве одного из критериев позитивного подхода к этой теме предлагается креативность как основа высокого стартового потенциала выпускника вуза.

Ключевые слова: карьера, карьерная стратегия, карьерная личность, стартовые условия, рисковенное общество, риски.

Многие абитуриенты и студенты первых курсов российских вузов выстраивают свою стратегию движения в профессию, которая совпадала бы с реальностью. Зачастую подавляющее большинство молодых людей, поступающих или учащихся в провинциальных вузах, пытаются выстраивать иллюзорную стратегию своей карьеры, исходя из предполагаемой востребованности своей будущей профессии на

отечественном рынке труда. Это связано с тем, что в России отсутствует система оценок или четких многолетних перспективных прогнозов развития рынка труда, отсюда и перепроизводство выпускников вузов с юридическим и экономическим образованием и острейший дефицит специалистов инженерно-технического профиля. Однако распространенные в настоящее время убеждения содержат довольно высокий

процент декларированности. Как показывают результаты многочисленных социологических исследований, проводимых ведущими академическими научными центрами, подавляющее большинство российского студенчества ассоциируют свои карьерные амбиции с работой в государственных учреждениях, реже – с политической деятельностью и уже по остаточному принципу – с работой по специальности. Подобное положение дел в полной мере отражает реальное состояние российской экономики, в которой производственная сфера продолжает находиться в перманентном системном кризисе на фоне растущей армии чиновников.

Мы находим тому несколько причин. Первая из них касается дефицита профессионализма у выпускников высшей школы, обусловленного их функциональной безграмотностью, когда около 70 % выпускников не могут нормально выполнять свои профессиональные функции, что в определенной степени объясняет, почему по некоторым направлениям профессиональной подготовки от 50 до 80 % выпускников вузов не работают по специальности [1, с. 4-5].

Вторая причина отражает низкий качественный уровень отечественного высшего образования. Согласно оценкам главы Минобрнауки РФ А.А. Фурсенко, не более 15-20 % российских вузов дают качественное, конкурентоспособное на мировом рынке образование. Существенные претензии к уровню подготовки выпускников высшей школы предъявляют работодатели, которые, по данным опроса, проведенного Высшей школой экономики и Левада-Центром, оценивают уровень профессиональных знаний выпускников вузов на 3,7 балла по 5-балльной шкале [2, с. 5].

Следует отметить еще одно обстоятельство, оказывающее определенное влияние на формирование карьерных стратегий современного российского студенчества. Речь идет о так называемой «утечке мозгов», отрицательно влияющей на интеллектуальный потенциал современной России. Мы разделяем тревогу Р.С. Гринберга по поводу сложившейся ситуации, которая никак не способствует перспективе для страны стать лидером в технологиях, страной с современной политической и экономической системой [3, с. 122]. В то же время необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство состоявшихся в нашей стране ученых, а также выпускников вузов, работающих за рубежом по специальности, выглядят благополучными на российском обывательском уровне, а в реальности занимаются обслуживанием интеллектуальной и технической элиты в принимающих странах.

Многие из наших выпускников, чьи дипломы не признаются за рубежом, трудятся, как и в России, не по специальности, но благодаря довольно высокой оплате их труда (нередко

весьма низкой квалификации) обеспечивают себе достойную жизнь вдали от дома, чего нельзя сказать о выпускниках вузов, связавших свою судьбу с жизнью в родной стране, где им в качестве старта предлагается работа с очень низкой зарплатой, не соответствующей их ожиданиям высоких доходов от своей профессиональной деятельности не в результате кропотливого многолетнего труда с низкими стартовыми материальными возможностями, а сразу без учета, например, их низкой профессиональной компетентности. Это обстоятельство резко отличает современных выпускников вузов от тех из них, кто оканчивал институты и другие профессиональные учебные заведения 30–40 лет назад. Причина заключается в разных социальных установках на реализацию карьерных стратегий у разных поколений выпускников вузов. Так, для старших поколений естественным был эволюционный процесс карьерного роста, тогда как современное поколение подобную стратегию в основном воспринимают как неприемлемую. Ряд исследователей данного феномена объясняют это тем, что начиная со вступления российского общества в эпоху либерализма «в общественное сознание усиленно внедрялись идеи роскоши, демонстративного потребления, гламурной жизни, легких доходов, противоречащие традиционной модернизационной этике» [4, с. 5]. В реальности выпускники вузов объективно пополняют армию людей с низкими доходами и весьма туманной перспективой успешного карьерного роста. Именно это обстоятельство нивелирует у студентов вузов уже в процессе обучения престижность труда по избранной специальности без использования коррупционного ресурса. Именно он, по нашему мнению, превращает элитное образование в нашей стране в образование для элиты, когда не знания выпускника, его творческий потенциал, способности, а кумовство и иные коррупционные составляющие определяют его ресурсные возможности на современном рынке труда.

Поэтому, размышляя о карьерных стратегиях современного студенчества, мы не можем не учитывать фактора коррупции как одного из устойчивых стимуляторов социальной несправедливости в современном российском обществе, которая поляризует его на две неравные группы, когда доходы 10 % самых богатых в 70 раз (данные по Москве) превышают доходы самых бедных, тогда как в странах Северной Европы этот показатель составляет 4–5 раз, а в США доходит до 12, что позволяет исследователям сделать вывод о заметном отдалении России на рубеже XX–XXI вв. от западных демократических стандартов и ее приближении к усредненным характеристикам стран третьего мира [5, с. 120]. Если же учесть, что в России, в том числе и из-за коррупции, так и не достигают должного уровня развития институты гражданского общества, неравенство населения не

только по материальным показателям, но и по стартовым условиям карьерного роста продолжает углубляться. Это позволяет ряду ведущих академических аналитиков нашей страны утверждать, что, несмотря на явные и значительные достижения последнего десятилетия, в России остается масса нерешенных проблем. К числу таковых относятся: крайнее неравномерное распределение собственности и доходов между различными слоями и группами населения, разрыв между бедностью и богатством; появление значительного слоя так называемых «новых бедных», активно пополняемого группами социального риска [6, с. 102].

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, оказывающее крайне негативное воздействие на формирование жизненных стратегий современного студенчества и их реализацию. Так, согласно данным Института социологии РАН, в настоящее время за чертой и на грани бедности, а также в состоянии малообеспеченности живут более половины россиян, характеризующих скромной имущественной обеспеченностью; нехваткой ресурсов, способных компенсировать неожиданное ухудшение материального положения; отсутствием возможности удовлетворять базовые потребности в питании, одежде, жилье для развития столь важного в современных условиях человеческого капитала [7, с. 103].

Вместе с тем социальные неравенства, существующие в пореформенном российском обществе, не сводятся исключительно к неравенству доходов, но проявляются и в разном качестве отдельных аспектов жизни: в физическом и социально-психологическом состоянии россиян, открывающихся для них возможностях, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, в восприятии жизни в целом. При этом к важнейшим факторам, опосредующим типичные для современной России социальные неравенства, относятся: проживание в разных типах поселений, возрастная дискриминация, различия в уровне образования, которое следует рассматривать не только как фактор нагнетания, но и как область проявления социальных неравенств [8, с. 108].

Большинство представителей обозначенной части населения чуть ли не единственным способом выхода из этого состояния правовым путем считают получение детьми качественного образования, на которое семьи направляют все материальные ресурсы, фактически возлагая ответственность за будущее семьи на плечи своих детей. Осознавая это, последние для достижения поставленной цели готовы прибегать не только к законным, но и противоправным практикам, включая уклонение от налогов, мошенничество, обман партнеров или клиентов и т.д., о чем свидетельствуют результаты многочисленных социологических опросов, проведенных за последние 5 лет. Объяснить это можно

несколькими причинами, отражающими в целом духовный кризис, переживаемый российским обществом, в том числе устойчивым общественным мнением о нелегитимных, коррупционных источниках материального благополучия современной российской чиновничьей и бизнес-элиты. Многие россияне, стремясь «подтянуть» уровень своего благосостояния до навязанных им идеологией общества потребностей «стандартов», прибегают к теневым практикам получения дополнительных, помимо легальных, доходов в семейный бюджет. В совокупности эти обстоятельства выступают факторами, деформирующими правосознание и миропонимание современного студенчества, ориентирующего свои жизненные стратегии на достижение жизненных успехов любыми доступными им способами, потому что с последними у них в первую очередь ассоциируется обладание денежными средствами. Такая жизненная установка, по нашему мнению, оказывает губительное воздействие на жизненную стратегию личности, ориентированную на качественное высшее образование, когда обладание «легкими» деньгами позволяет это образование купить, не тратя на него времени. Подобная ситуация довольно типична для современного отечественного образования, когда на так называемый рынок труда ежегодно выплескивается большая группа выпускников вузов, не способных к квалифицированной профессиональной деятельности, но чаще всего трудоустраивающихся успешно (благодаря знакомствам) в структурах органов власти и управления. В результате в обществе сложилась крепкая криминальная коррупционная цепочка услуг, в удовлетворении которых заинтересованы и «продавцы», и «потребители». Через них во все сферы общественной жизни распространяются безнравственные практики социальных отношений, разрушающих общество изнутри эффективней любого, даже самого агрессивного внешнего воздействия.

Размышляя о причинах сложившейся в российском обществе ситуации, мы разделяем току зрения Ю.Г. Волкова, который важную роль отводит номенклатурной приватизации, определившей становление новой социальной структуры в рамках «узаконенного» беззаконья; группы, составившие ядро новых классов были плотью предшествующего периода так как и новые собственники из бывшей советской номенклатуры, и подпольные предприниматели (цеховики) не имели навыков легитимной экономической деятельности и были ориентированы на использование общественных ресурсов в групповых и личных целях. Российский квазирыночный капитализм не был настроен ни на наработка социальную репутацию капитала, ни на освоение новых экономических сегментов, связанных с инновационными технологиями и креативными навыками [9, с. 15].

Формируемые же социальные неравенства, по мнению Ю.Г. Волкова, являются в настоящее время не просто избыточными, они порождают социально паразитический образ жизни у богатых слоев и ускоряют процесс социальной деградации, социальной атрофии бедных слоев населения [10, с. 17].

Единственным средством выхода из создавшейся ситуации могут стать личности, обладающие креативным потенциалом. Его носителями должны выступать индивиды с ясным представлением о себе как личности, способной реализовать новое, обладающей активной социальной позицией и уровнем компетенции, позволяющим адекватно реагировать на проблемные ситуации современного общества [11, с. 11].

Какие же существуют критерии отнесения индивида к креативному классу? По мнению Ю.Г. Волкова, необходим определенный уровень концентрации творческих социетальных признаков. Процедура построения данного класса должна включать в себя три этапа: выбор показателей творческой активности, построения интегрального критерия творчества для выделения креативного класса и выявление идентификационных процедур креативности, соопределения, сопричисления к креативному классу.

Традиционно, как полагает автор, в роли приоритетного, а часто и единственного показателя креативности выступают социальные достижения, инновационность в той или иной сфере общественной жизни [12, с. 21].

Позиция Ю.Г. Волкова о внеклассовой природе креативной личности позволяет отнести к этой категории ту часть студенчества, которая соответствует указанным признакам.

Анализируя пространственное поле генезиса креативной личности, Ю.Г. Волков выделяет в первую очередь совокупность индивидов, связанных в межличностном пространстве автотелическими неинструментальными отношениями [13, с. 25-26]. В образовательном пространстве такие отношения деаликтически закладываются между креативным студенчеством и креативными преподавателями, а в послевузовский период – между креативными молодыми специалистами (или аспирантами) и их креативными наставниками. В процессе этого взаимообмена возникает солидарная среда, связанная с ее ментальностью, образом и способом действия, поведением [14, с. 26].

Совместная же активность креативного класса появляется тогда, когда творческие лич-

ности осознают единство целей и то, что они могут добиться желаемого результата, если будут действовать совместно. До настоящего времени креативные люди отличались как раз разрозненностью, спонтанностью, одноактностью социального действия. Перевод креативных социальных практик в долговременный устойчивый режим связан с тем, что креативный класс создается через вертикально-пространственную мобильность, исключая риски нисходящей социальной мобильности. Иными словами, представитель креативного класса включается в сообщество на основе собственного потенциала, не ущемляя и не ограничивая возможности и шансы других людей [15, с. 28].

Продолжая размышления о пространственном поле взаимодействия креативных личностей, мы в качестве критерия выделяем их образованность и характер деятельности, что позволяет нам дополнить связи «креативный студент – креативный педагог», «креативный молодой специалист / аспирант – креативный наставник» относительно новой, в которую включаются креативная элита из числа госслужащих, управленцев, депутатского корпуса в процессе занятия научной деятельностью под руководством креативных ученых. Такая практика эффективного взаимодействия между ними сложилась в последнее десятилетие в ряде ведущих российских вузов и академических институтов. Благодаря ей государственная и хозяйственная элита пополняется креативными лидерами, обладающими не только фундаментальными знаниями, но и научным мировоззрением.

В свою очередь креативная часть научного сообщества, особенно гуманитарии, получают уникальную возможность непосредственного и интеллектуального воздействия на умы элиты.

Таким образом, изучая перспективы формирования и реализации карьерных стратегий современного студенчества, мы выявили устойчивую тенденцию, проявляющуюся в российском обществе и позволяющую креативному студенчеству не только получать качественное образование, развиваться как творческая личность с довольно туманными перспективами выстраивания успешной карьеры из-за коррумпированности нашего общества, но и иметь более радужные перспективы благодаря формирующемуся в России креативному классу из представителей различных социальных слоев, групп.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Волков Ю.Г. Дополнительное профессиональное образование как ресурс развития университетов инновационного типа // Гуманитарный ежегодник. 2011. № 10.
2. Там же.
3. Гринберг Р.С. Новый образ мира и итоги развития России в эпоху трансформации // Научный ежегодник. 2011. № 10.

4. Волков Ю.Г. Креативный класс: проблема концептуализации в российском обществе. Ростов н/Д, 2011.
5. Гринберг Р.С. Указ. соч.
6. Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России // Гуманитарный ежегодник. 2011. № 10.
7. Там же.
8. Там же.
9. Волков Ю.Г. Креативный класс: проблема ...
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.

CAREER STRATEGIES OF RUSSIAN STUDENTS IN THE CONTEXT OF RISK-TAKING SITUATIONS

L.V. Nazarova, Postgraduate student of the Department of Sociology, Political Science and Law of the Institute for Retraining and Improvement of Teachers' Proficiency in Humanities and Social Sciences of Southern Federal University

The article deals with the analysis of career strategies of Russian students. Creativity is introduced as one of the criteria of positive approach to the issue and as the basis for high potential start of a graduate.

Key words: career, career strategy, career personality, start conditions, risk-taking society, risks.

УДК 371. 134

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.В. Сотникова, соискатель кафедры психологии и социологии Южно-российского государственного технического университета

В данной статье рассматривается актуальная проблема формирования профессиональной мотивации студенческой молодежи в современных социально-экономических условиях развития российского общества и кризиса трудовых ценностей. Результаты изучения профессиональной мотивации студенческой молодежи как будущей интеллектуальной элиты, интеллектуального ресурса общества способствуют углублению теоретического и практического знания в области отечественной социологии молодежи.

Ключевые слова: молодежь, студенческая молодежь, социология молодежи, профессиональная мотивация студенческой молодежи, трудовые ценности.

Трудовая сфера одна из наиболее значимых социальных сфер, разрушение идеологического и ценностного пространства которой отражается не только на состоянии и качестве труда, трудовых отношений, но и на остальных сферах социального бытия, поскольку через трудовую деятельность индивид включается в социум, развивается как личность и профессионал. С этой точки зрения представляется значимым аспектом научного анализа

изучение профессиональной мотивации студенческой молодежи как будущей интеллектуальной элиты, интеллектуального ресурса общества, как социальной группы переходного типа, которой предстоит включиться в социальные отношения [1, с. 21-22].

Новые условия, в которых приходится адаптироваться российской молодежи, предъявляют к ней и новые требования, связанные с необходимостью быть успешным, конкуренто-